

Ак-Бозат — эпизод 6 из 6

В свой аул Бухарбай вернулся только через три дня. Его сначала даже не узнали, так он похудел, а глаза были совсем дикие.

Если бы ты отдал мне Ак-Бозат, я сумел бы ее сберечь, карал его старый Цацгай. Ты упрямый осел, Бухарбай... Ты глуп, Бухарбай, как четыре барана. Меня наказал аллах... ответил Бухарбай. Отпусти меня, Цацгай.

Куда же ты пойдешь, несчастный байгуш?

Пойду искать Ак-Бозат... Я не могу без нее жить.

Не так думала Мэчит. Очень она полюбила джигита, а девичье сердце не ищет богатства. Она сама пришла к Бухарбаю и сказала:

Бухарбай, куда ты, туда и я... Я тебя люблю.

Заплакал Бухарбай, а Мэчит положила его голову к себе на колени и утешала ласковыми девичьими словами. Тут она узнала, как Бухарбай сделался байгушом, и еще больше его жалела. Из-за нее аллах его наказал. Пошла смелая девушка к отцу и сказала, что ни за кого больше не пойдет замуж, как только за джигита Бухарбая; он не простой пастух, а настоящий джигит. Не надо мне богатства, говорила смелая девушка. Лучше я буду женой простого пастуха.

Рассердился Цацгай, прогнал от себя дочь; но она пришла в другой раз и повторила то же самое. Разве что-нибудь поделаешь с упрямыми женскими словами? Еще сильнее рассердился Цацгай и сказал:

Хорошо, упрямая коза... Бери своего Бухарбая, только я ничего не знаю. И тебя не знаю... А этот упрямый осел пусть не показывается мне на глаза, если хочет быть цел.

Много страшных слов наговорил старый Цацгай, как говорят и другие отцы, когда сердятся на непослушных дочерей, а потом смиростивилось отцовское сердце.

Дам я кибитку Мэчит, решил Цацгай. Не жить же ей, на самом деле, вместе с пастухами... Упрямая девчонка не стоит этого, ну да уж так и быть...

После кибитки дал Цацгай лошадей, потом баранов, потом уж надавал всего. Он дает, а Бухарбаю все равно. Ничего не нужно джигиту.

Сыграли свадьбу, а Бухарбай все тоскует. Ласки молодой красавицы-жены не утешали горя. По ночам Бухарбай часто просыпался и вскакивал, как сумасшедший. Ему все слышался топот Ак-Бозат... Вот-вот она уже совсем близко. Это она летит по степи, как ветер... Выскакивал Бухарбай из кибитки, брал лучшую лошадь и летел в погоню, а потом возвращался домой грустный-грустный.

Не мило было Бухарбаю и богатство, не милы ласки красавицы-жены, ее молодой смех и песни. А тут еще новая беда: в аул пришел слепой байгуш с бандурой и запел песню про Ак-Бозат. В степи уже складывали ей песни. С ветром спорила Ак-Бозат, А крылья взяла у птицы... Белая красавица, ты летала, Как стрела, оперенная лебединым крылом. Слышишь, Мэчит? стонал Бухарбай. Это про нее поют; значит, она жива... О, я несчастный!.. И я не умел сберечь это сокровище... А слепой байгуш сидит и поет: Нет цены хорошей лошади, Она все для джигита: И дом, и богатство, и честь. Без лошади нет и джигита! Пришел Бухарбай к старому Цацгаю и сказал: Я ухожу, старик... Куда? Не знаю. Не могу больше терпеть... А жена? Жена подождет... Ничего мне не нужно. Отправился Бухарбай странствовать по степи, из аула в аул, от одного колодца к другому. Где завидит в табунах белую лошадь, так у него сердце и упадет. Подъедет, посмотрит, нет, не Ак-Бозат. И опять дальше, точно кто его гонит. Когда вечером Бухарбай ложился спать, ему каждый раз слышался топот Ак-Бозат. Да, он слышал, как она делала широкий круг, а близко не подходила. О, это была она, Ак-Бозат... Бухарбай весь трепетал и молился аллаху. С каждым днем Ак-Бозат делала круги все меньше и меньше. Бухарбай перестал есть и похудел, как скелет. Скоро уж... говорил он самому себе. А в степи между тем разнеслась весть, что бродит сумасшедший джигит и все ищет какую-то белую лошадь. Матери начали пугать им своих детей, а большие побаивались ночной встречи. Его видали разом в нескольких местах. Собрались степные джигиты вместе и пробовали ловить Бухарбая; но он каждый раз уходил от них. Наконец, совсем обессилен Бухарбай и целых три дня лежит у степного колодца. У него не было сил подняться на лошадь. А как наступала ночь, опять являлась Ак-Бозат и начинала делать свои круги. Теперь она была уже совсем близко, и Бухарбай только не мог открыть глаз, чтобы посмотреть на лошадь. Однажды, это была четвертая ночь у колодца, он лежал, как мертвый. Вдруг

топот уже совсем близко, тут... Бухарбай открывает глаза, а над ним стоит Ак-Бозат. Он хотел крикнуть, но только застонал...

Степные джигиты нашли Бухарбая мертвым у колодца. Он прижимал окоченевшими руками к груди свою белую войлочную шляпу.